

**Публичные интересы в международном частном праве:
коллизионные, материально-правовые, процессуальные аспекты**

Конюшок Александр Владимирович

Доцент,

Севастопольский государственный университет,

299053, Российская Федерация, Севастополь, ул. Университетская, 33;

e-mail: 9781369777@mail.ru

Аннотация

Работа посвящена определению понятия и содержания публичных интересов как категории международного частного права в материально-правовом, коллизионном, процессуальном измерении. Сформулированы специфические особенности реализации публичных интересов субъектами частноправовых отношений с иностранным элементом, обозначены тенденции дальнейшего развития института публичного интереса в международном частном праве. Обосновано, что коллизионные привязки в многосторонних и двусторонних международных договорах должны формулироваться таким образом, чтобы учитывать публичный правопорядок, оставляя правоприменительному органу принципиальную возможность отказаться от формально обоснованного применения зарубежного частного права в случае реального либо потенциального возникновения ситуации его противоречия отечественному публичному правопорядку. Показано, что публичный интерес в трансграничных частноправовых отношениях представляет собой сумму частных интересов российских контрагентов. Сформулирован обобщающий вывод о том, что обеспечение публичных интересов в частноправовых отношениях с иностранным элементом направлено на защиту прав и законных интересов российских контрагентов от реальных и потенциальных нарушений со стороны зарубежных правоприменительных органов, что особенно значимо в условиях санкционного давления на российских субъектов внешнеторговой деятельности и физических лиц, ущемляющего их частные интересы в обязательственных, имущественных и внедоговорных отношениях.

Для цитирования в научных исследованиях

Конюшок А.В. Публичные интересы в международном частном праве: коллизионные, материально-правовые, процессуальные аспекты // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 11А. С. 101-107. DOI: 10.34670/AR.2025.32.53.011

Ключевые слова

Частноправовое регулирование, публичные интересы, международное частное право, коллизионные нормы, унификация международного частного права, публичный правопорядок, государственная политика.

Введение

В условиях введения и реализации политически мотивированных односторонних ограничительных мер, затрагивающих целый комплекс частноправовых интересов российских резидентов, принимающих участие в трансграничных отношениях (гражданских, коммерческих, семейных, трудовых и т.п.), важнейшее онтологическое и праксиологическое значение имеет разработка научно обоснованного комплексного подхода к обоснованию места и роли публичных интересов как ключевого регулятора и ограничителя применения зарубежного права, признания и исполнения решений иностранных государственных судов и коммерческих арбитражей. Более того, ряд исследователей даже отмечают такой феномен, присущий современному этапу развития международного и национального частноправового регулирования, как «публичизация международного частного права» [Доронина, Семилютина, 2024, с. 654], означающая приоритет публичных интересов при принятии решений по частноправовым делам национальными правоприменительными органами, включая судебные системы суверенных государств.

Основная часть

В российском международном частном праве ключевое значение для формально-юридического определения содержания понятия «публичные интересы» имеет действующая нормативная конструкция п. 1 ст. 1992 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), в соответствии с которой сверхимперативные нормы, выражающие публичные интересы общества и государства, классифицируются на две группы: а) безусловные публично-правовые нормы, сверхимперативность которых установлена законодательно (к ним в российской правовой системе относятся, прежде всего, конституционные нормы, наделенные высшей юридической силой и свойством прямого действия); б) дискреционные публично-правовые нормы, сверхимперативность которых устанавливается по конкретному частноправовому делу правоприменительным органом на основании их признания согласно п. 1 ст. 1192 ГК РФ имеющими «особое значение, в том числе для обеспечения прав и охраняемых законом интересов».

При этом в ГК РФ для обозначения сверхимперативных норм международного частного права применяется терминологическая конструкция «нормы непосредственного применения», означающая положения, имеющие особое значение для защиты публичных интересов. Такие нормы, по мнению В.П. Звекова, выражают публично-правовые интересы и как бы продолжают публично-правовые начала в частном праве [Звеков, 2000, с. 48] поддерживая, тем самым, необходимый баланс между частноправовыми интересами участников трансграничных отношений и публичным правопорядком государства.

Помимо конституционно-правовых норм, расположенных непосредственно в Конституции РФ [Зеленцов, Немытина, 2018], другие источники безусловных сверхимперативных норм, определяющих содержание и пределы обеспечения публичных интересов в трансграничных частноправовых отношениях, названы в специальном постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации», являющимся руководящим ориентиром для применения норм международного частного права не только судами, но, по аналогии, и всеми остальными российскими правоприменительными органами.

В указанном постановлении Пленума Верховного Суда РФ, в частности, обозначены такие сверхимперативные нормы российского законодательства, направленные на защиту публичных интересов в трансграничных частноправовых отношениях, как: п. 2 ст. 414 Кодекса торгового мореплавания РФ (далее – КТМ РФ), п. 2 ст. 156 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ), п. 1 ст. 165 СК РФ (установление в целях защиты интересов российских детей при усыновлении их иностранцами и апатридами непосредственное (первоочередное) применение норм ст. 124-133 СК РФ) и некоторые другие нормы публично-правового содержания, включенные в частноправовое законодательство с целью обеспечения публичных интересов общества и государства [Милосердов, 2021].

В свою очередь, дискреционные сверхимперативные нормы, определяемые таковыми правоприменительной инстанцией отдельно в каждом конкретном случае, постановление Пленума Верховного Суда РФ определяет как имеющие «основной целью защиту публичного интереса, связанного с основами построения экономической, политической или правовой системы государства», т.е. можно выделить три фундаментальные сферы возникновения и реализации публичных интересов: экономическая система государства; политическая система государства; правовая система государства. Каждая из указанных сфер имеет жизненно важное значение для обеспечения законных интересов всего общества в целом, более того – функционирование публичных институтов возможно исключительно в условиях стабильного состояния всех трех указанных систем, взаимно дополняющих друг друга в состоянии диалектической синергетики бытия социума, онтологически организованного в государственно-правовой форме.

Вместе с тем, терминология, применяемая в различных документах судебной системы, несколько отличается между собой. Так, в информационном письме Президиума Высшего арбитражного суда РФ № 1564 публичные интересы были обозначены как фундаментальные правовые начала (принципы), закрепленные в том числе и сверхимперативными нормами (ст. 1192 ГК РФ), входящими в состав публичного порядка. К числу таких правовых начал (принципов), в частности, как указывает А.А. Шулаков, относится запрет на совершение действий, прямо запрещенных сверхимперативными нормами законодательства Российской Федерации, если этими действиями наносится ущерб суверенитету или безопасности государства, затрагиваются интересы больших социальных групп, нарушаются конституционные права и свободы частных лиц [Шулаков, 2021, с. 187].

В свою очередь, Конституционный Суд РФ как единственный орган официального толкования норм федерального законодательства к наиболее значимым публичным интересам (конституционно значимым ценностям) относит шесть ценностей, закрепленных в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ на универсальной основе ст. 29 Всеобщей декларации прав человека: основы конституционного строя, нравственность, здоровье, права и законные интересы других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства.

На уровне отраслевого частноправового регулирования [Богатырев, 2002, с. 33] конституционные ценности выражены в форме основных начал гражданского (п. 2 ст. 1 ГК РФ) и семейного (п. 4 ст. 1 СК РФ) законодательства, что демонстрирует приоритетное значение конституционно-правовых норм для правового обеспечения публичных интересов в трансграничных частноправовых отношениях, а также для определения сверхимперативности юридических норм в целом (как в безусловном, так и дискреционном правоприменительном порядке).

В контексте рассмотрения системы источников международного частного права также необходимо обратить внимание на законодательную формулировку преамбулы Федерального

закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации», в соответствии с которой «международным договорам принадлежит важная роль в защите основных прав и свобод человека, в обеспечении законных интересов государства». Очевидно, что под «законными интересами государства» в данном случае имеются ввиду публичные интересы, отличные от частных интересов отдельных лиц своей значимостью и количественным масштабом, а также субъектным составом их реализации [Кряжков, 1999; Горшунов, 2011].

Исходя из такого понимания общей телеологии и функций международных договоров как источника российской правовой системы, можно предположить, что одной из ключевых задач уполномоченных органов и должностных лиц публичной власти является разработка, подписание и дача согласия на обязательность только тех международных договоров в сфере регулирования частноправовых отношений, положения которых учитывают публичные интересы, под которыми понимаются законные общества и государства, имеющие своим первоисточником сверхимеративные конституционные нормы.

Следовательно, в материально-правовых, процессуальных и коллизионных нормах ратифицированных международных договоров Российской Федерации допустимы исключительно те положения, которые не противоречат публичным интересам, но в то же время не ограничивают частные интересы и права, включая общепризнанное в различных правовых системах широкое применение автономии воли в трансграничных контрактных отношениях.

В данном контексте можно полностью согласиться с применимым ко всему существующему комплексу отраслей права высказыванием М.С. Матейковича и В.А. Горбунова о том, что «правовые нормы должны четко определять приоритетные интересы, равно как и находить эффективные механизмы противодействия общественно вредным интересам» [Матейкович, Горбунов, 2011, с. 173]. Безусловно, основным юридическим источником таких приоритетов в защите публичных интересов в российской правовой системе является Конституция РФ, определяющая содержание соответствующих отраслевых правовых механизмов, относящихся к сфере частноправового регулирования трансграничных отношений [Курбатов, 2001, с. 14].

В частности, коллизионные привязки в многосторонних и двусторонних международных договорах должны формулироваться таким образом, чтобы по возможности учитывать публичный правопорядок, либо, по меньшей мере, оставлять возможность правоприменительному органу отказаться от формально обоснованного применения зарубежного частного права в случае реального либо потенциального возникновения ситуации его противоречия отечественному публичному правопорядку.

Применительно к международному частному праву, следует отметить, что публичные интересы реализуются в довольно специфической правовой среде, которой выступает область трансграничных частноправовых отношений.

Заключение

В результате проведенного исследования коллизионных, материально-правовых и процессуальных аспектов определения содержания публичных интересов в международном частном праве можно прийти к следующим выводам.

Во-первых, в публичных интересах воплощается основополагающий фундамент трех экзистенциально важных систем общества и государства – экономической, политической, правовой, без нормального функционирования которых общественная жизнедеятельность и устойчивое развитие объективно невозможны в условиях государственно-правовой организации социума. Следовательно, нарушение публичных интересов применением

зарубежного права в трансграничных частноправовых отношениях причиняет вред экономической, политической и правовой системе государства, причем на современном этапе важнейшее значение имеет защита российских публичных интересов в экономической сфере (контрсанкционное значение обеспечения публичных интересов в трансграничных частноправовых отношениях).

Во-вторых, в публичных интересах выражены нравственные основы жизнедеятельности общества и граждан, ключевые постулаты общественной морали, отраженные на наивысшем уровне национальной системы права в конституционно-правовых нормах.

В-третьих, каждый публичный интерес в трансграничных частноправовых отношениях, как правило, представляет собой еще и сумму частных интересов российских контрагентов, т.е. обеспечение публичных интересов направлено на защиту прав и законных интересов российских контрагентов от реальных и потенциальных нарушений со стороны зарубежных правоприменительных органов, что особенно значимо в условиях санкционного давления на российских субъектов внешнеторговой деятельности и физических лиц, ущемляющего их частные интересы в обязательственных, имущественных и внедоговорных отношениях.

Библиография

1. Богатырев Ф. О. Интерес в гражданском праве // Журнал российского права. 2002. № 2. С. 33-43.
2. Горшунов Д. Н. Особенности интересов государства и других публичных образований в сфере частного права: теоретико-правовой аспект // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2011. № 5. С. 76-81.
3. Доронина Н. Г., Семилотина Н. Г. Международное частное право XXI века: парадигма многополярного мира // Научные концепции развития российского законодательства: монография / В. Р. Авхадеев, Е. Г. А зарова, Л. В. Андриченко и др.; под ред. Т. Я. Хабриевой, Ю. А. Тихомирова; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2024. С. 646-654.
4. Звеков В. П. Международное частное право. Курс лекций: учебник для вузов. М.: Норма: ИНФРА-М, 2000. 667 с.
5. Зеленцов А. Б., Немытина М. В. Публичные интересы и производные от них юридические конструкции // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. № 4. С. 425-462.
6. Кряжков А. В. Публичный интерес: понятие, виды и защита // Государство и право. 1999. № 10. С. 91-99.
7. Курбатов А. Я. Сочетание частных и публичных интересов при правовом регулировании предпринимательской деятельности. М.: Центр ЮриInfоБ, 2001. 212 с.
8. Матейкович М. С., Горбунов В. А. Законные интересы в конституционном праве. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 256 с.
9. Милосердов Н. А. Публичные интересы в праве: понятие и содержание // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 10. С. 202-211.
10. Шулаков А. А. Интересы публичного порядка и алгоритм определения права, подлежащего применению к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 4. С. 184-192.

Public Interests in Private International Law: Conflict of Laws, Substantive Legal, and Procedural Aspects

Aleksandr V. Konyushok

Associate Professor,
Sevastopol State University,
299053, 33, Universitetskaya str., Sevastopol, Russian Federation;
e-mail: 9781369777@mail.ru

Abstract

The work is dedicated to defining the concept and content of public interests as a category of private international law in its substantive legal, conflict of laws, and procedural dimensions. Specific features of the implementation of public interests by subjects of private law relations with a foreign element are formulated, and trends in the further development of the institution of public interest in private international law are outlined. It is substantiated that conflict of laws rules in multilateral and bilateral international treaties should be formulated in such a way as to consider the public legal order, leaving the law enforcement authority the fundamental possibility to refuse formally justified application of foreign private law in case of an actual or potential situation of its contradiction to the domestic public legal order. It is shown that the public interest in cross-border private law relations represents the sum of the private interests of Russian counterparts. A summarizing conclusion is formulated that ensuring public interests in private law relations with a foreign element is aimed at protecting the rights and legitimate interests of Russian counterparts from actual and potential violations by foreign law enforcement agencies, which is particularly significant under conditions of sanction pressure on Russian foreign trade entities and individuals, infringing upon their private interests in contractual, property, and non-contractual relations.

For citation

Konyushok A.V. (2025) Publichnyye interesy v mezhdunarodnom chastnom prave: kollizionnyye, material'no-pravovyye, protsessual'nyye aspekty [Public Interests in Private International Law: Conflict of Laws, Substantive Legal, and Procedural Aspects]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (11A), pp. 101-107. DOI: 10.34670/AR.2025.32.53.011

Keywords

Private law regulation, public interests, private international law, conflict of laws rules, unification of private international law, public order, state policy.

References

1. Bogatyrev, F. O. (2002). Interes v grazhdanskom prave [Interest in civil law]. *Zhurnal rossiiskogo prava*, (2), 33–43.
2. Doronina, N. G., & Semilutina, N. G. (2024). Mezhdunarodnoe chastnoe pravo XXI veka: paradigma mnogopoliarnogo mira [Private international law of the XXI century: a paradigm of a multipolar world]. In T. Ia. Khabrieva & Iu. A. Tikhomirov (Eds.), *Nauchnye kontseptsii razvitiia rossiiskogo zakonodatelstva: monografiia* (8th ed., pp. 646–654). Norma.
3. Gorshunov, D. N. (2011). Osobennosti interesov gosudarstva i drugikh publichnykh obrazovanii v sfere chastnogo prava: teoretiko-pravovoi aspekt [Peculiarities of interests of the state and other public entities in the field of private law: theoretical and legal aspect]. *Vestnik Akademii ekonomicheskoi bezopasnosti MVD Rossii*, (5), 76–81.
4. Kriazhkov, A. V. (1999). Publichnyi interes: poniatie, vidy i zashchita [Public interest: concept, types and protection]. *Gosudarstvo i pravo*, (10), 91–99.
5. Kurbatov, A. Ia. (2001). Sochetanie chastykh i publichnykh interesov pri pravovom regulirovaniyu predprinimatelskoj deiatelnosti [The combination of private and public interests in the legal regulation of entrepreneurial activity]. *Tsentr IurInfoR*.
6. Mateikovich, M. S., & Gorbunov, V. A. (2011). Zakonnye interesy v konstitutsionnom prave [Legitimate interests in constitutional law]. Norma: INFRA-M.
7. Miloserov, N. A. (2021). Publichnye interesy v prave: poniatie i soderzhanie [Public interests in law: concept and content]. *Aktualnye problemy rossiiskogo prava*, 16(10), 202–211.
8. Shulakov, A. A. (2021). Interesy publichnogo poriadka i algoritm opredeleniya prava, podlezhashchego primeneniiu k chastyopravovymotnosheniiam, oslozhnennym inostrannym elementom [The interests of public order and the algorithm for determining the law to be applied to private law relations complicated by a foreign element]. *Aktualnye problemy rossiiskogo prava*, 16(4), 184–192.

9. Zelentsov, A. B., & Nemytina, M. V. (2018). Publichnye interesy i proizvodnye ot nikh iuridicheskie konstruktsii [Public interests and legal constructions derived from them]. *Vestnik RUDN. Seriya: Iuridicheskie nauki*, (4), 425–462.
10. Zvekov, V. P. (2000). Mezhdunarodnoe chastnoe pravo. Kurs lektsii: uchebnik dlia vuzov [International private law. Course of lectures: textbook for universities]. Norma: INFRA-M.